

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(470.41)"1861/1917"

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА ЛАИШЕВСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Е.В. Миронова

Аннотация

В статье на основе неопубликованных материалов рассматриваются помещичьи хозяйства Лаишевского уезда во второй половине XIX – начале XX века. Анализируя факторы и пути развития дворянских экономий, автор приходит к выводу о том, что поместья в данном уезде находились в выгодных природно-географических и социально-экономических условиях, однако по ряду причин (задолженность перед кредитными учреждениями, отсутствие агрономических знаний как у самих владельцев, так и у нанятых управляющих, занятость помещиков на государственной службе) происходило сокращение помещичьего землевладения.

Ключевые слова: помещичье хозяйство, Государственный дворянский земельный банк, реорганизация хозяйства, агротехника, доходное имение.

Освобождение крестьян из-под помещичьей власти в 1861 г. усугубило и без того кризисное материальное положение землевладельцев, причины которого были заложены еще в предшествующий период. Дворяне, располагавшие даровой рабочей силой, а потому не отягощенные мыслью изыскивать способы совершенствования своего хозяйства, жили в долг. По данным официальной статистики, к 1859 г. Казанская губерния лидировала среди всех регионов империи по числу владений, заложенных в кредитных учреждениях России (I, с. 313). В результате крестьянской реформы казанские помещики одновременно лишились четверти своей земельной собственности, к концу столетия потери составили до 50%.

Современники по-разному видели причины разорения. На страницах «Волжского вестника», по случаю предоставления государством соло-вексельного кредита помещикам, была опубликована заметка, в которой неизвестный автор задавался вопросом: «Пойдут ли... на производительные расходы те десятки миллионов, которые щедро польются в руки землевладельцев из касс нашего кредитного учреждения? Не лягут ли эти десятки миллионов новым бременем на заложенные и перезаложенные частновладельческие имения... Мы имеем прецедент, поневоле наталкивающий нас на эти опасения: это выкупные суммы

и банковские ссуды, которые почти целиком прожиты были или за границей, или пошли на удовлетворение потребностей, не имеющих ничего общего с организацией частновладельческого хозяйства...» (II).

Диаметрально противоположную точку зрения высказывал астраханский дворянин и публицист Н.С. Петлин, говоривший о невыгодности выкупной операции, поскольку из суммы, полагавшейся за наделение крестьян землей, были вычтены прежние долги кредитным установлениям (III, с. 5). А значит, помещики не были обеспечены капиталом для реорганизации своих хозяйств.

На примере одного из уездов Казанской губернии постараемся выявить объективные и субъективные факторы развития экономий в послереформенный период. В центре нашего внимания Лаишевский уезд, где практически неизменным осталось число дворянских владений: в 1877 г. таковых было зарегистрировано 197, в 1905 г. – 196. В то же самое время земельная собственность сократилась в полтора раза (IV, с. 10, 12). Можно предположить, что ценой уменьшения земельной площади помещики пытались удержать за собой имения. Поэтому целесообразно обратиться к делопроизводственной документации Казанского отделения Государственного дворянского земельного банка, отложившейся в Национальном архиве Республики Татарстан в фонде за номером 259. Особую ценность для исследования поместий представляют первичные (составленные самими владельцами) и поверочные (составленные сотрудниками банка) оценочные описи: в них указаны размер, структура, способ эксплуатации земли, хозяйственные постройки, инвентарь, источники доходов, прибыльность.

По данным земельной переписи конца 70-х годов XIX в., на долю лаишевских дворян приходилось 26% губернского помещичьего фонда с незначительной представленностью мелкого землевладения. Уезд расположился в центральном районе губернии. Богатство лесного массива и относительное плодородие почв обеспечили развитие здесь земледельческого и лесного хозяйства, а высокая плотность населения при его слабой обеспеченности землей и низкой степени развития фабрично-заводской и кустарной деятельности – приток рабочей силы в помещичьи экономии. Так, по состоянию на 1897 г. на 100 десятин территории уезда приходилось более 290 человек, что превышало общегубернские показатели в 276 человек (V, с. 355, 362, 390). Значительную часть населения составляли бывшие владельческие крестьяне, получившие, как известно, сравнительно меньший надел, чем государственные. И, хотя в составе поуездного населения преобладали среднеобеспеченные хлебопашцы, существенным был процент малоземельных (27,4%) и безземельных (8,8%) крестьян (VI, с. 53, 69).

Вполне естественно, что острая нехватка надельной земли заставляла крестьян искать новые источники дохода. Это могли быть кустарные промыслы, работа на окрестных предприятиях. Однако условий для развития неземледельческих заработков практически не существовало. Уездная промышленность была представлена тремя крупными обрабатывающими и одиннадцатью мелкими предприятиями, а также тремя заводами с годовым оборотом менее 1000 рублей в городе Лаишеве (V, с. 400–404). До Казани, являвшейся крупным промышленным центром губернии, было не менее 25 верст. Кустарными промыслами занималось лишь 2,8% рабочего мужского населения Лаишевского уезда (V, с. 406). А потому среди крестьян, бывших по преимуществу хлебопашцами,

был высокий спрос на землю. Конечно, избыток рабочей силы приводил к ее удешевлению, поэтому местные крестьяне предпочитали не наниматься батраками к помещикам, а брать землю в испольную или денежную обработку. Такой способ эксплуатации не требовал от дворян денежных вложений, поэтому при заинтересованности обеих сторон он получил широкое распространение в рассматриваемом районе: в 21 заложенном имении вся земля находилась во временном пользовании крестьян. Эта форма хозяйствования не была новаторской: как и в дореформенное время, земля обрабатывалась примитивным крестьянским инвентарем, арендатор не был заинтересован в повышении плодородия почвы.

Помещики достаточно часто прибегали к подобной системе, позволявшей обходиться без денежных затрат на приобретение дополнительного рабочего скота, земледельческих орудий, удобрений. Однако она истощала почву, что сказывалось на урожайности, поэтому ее сочетали с экономическими способами возделывания. Так, в 48 помещичьих хозяйствах наряду со сдаточным способом земледелия применялся труд наемных рабочих, еще в десяти поместьях нанимались только поденщики и годовые работники.

Использование того или иного метода хозяйствования зависело от населенности округа, обеспеченности земель местных крестьян. Так, владелец 684 десятин при деревне Бутыри М.В. Клушин, описывая экономическое положение своего имения, отмечал, что оно располагалось в довольно населенной местности. Окрестные земли большей частью принадлежали частным владельцам и казне. Находясь на дарственном наделе, крестьяне ближних сел арендовали землю в дворянских экономиях, у казны и бывших государственных крестьян села Егорьева, обладавших сравнительно большими наделами. Обилие земли, сдававшейся в исполу и арендное пользование, сбивало цены на рабочие руки. А потому, сообщает М.В. Клушин, по найму шли работать только татары, бравшие деньги заранее. Труд годового работника оценивался в 50–60 рублей, работницы – в 36 рублей, поденщика и поденщицы – в 20–45 и 15–35 копеек соответственно (VII, л. 10). В других имениях – еще ниже (VIII, л. 18 об.).

Основной доход помещикам приносило пашенное земледелие, для успешного ведения которого 55 поместий были оснащены необходимыми хозяйственными сооружениями и инвентарем. В имениях встречалась новейшая техника: четырехконная молотилка «Липгардт», шестиконная американская молотильная машина, сеялка с разбросной системой «Берман» и др.; строились мельницы, чаще – молотильные сараи. Все это либо отсутствовало в имениях, где земля сдавалась в аренду (в испольную или денежную), а значит, применялись крестьянские орудия труда; либо инвентарь находился в незаложенной части поместья.

Вполне естественно, что помещики связывали успешное развитие хозяйства с внедрением улучшенной агротехники. Но, закупая инвентарь, они редко учитывали химические и физические свойства преобладавших почв, обеспеченность земли влагой, что приводило к неправильному использованию техники. Поэтому видовое разнообразие сельскохозяйственных орудий не становилось залогом эффективного земледелия, а сильно обременяло поместье затратами на их приобретение и ремонт. К примеру, покупка одного лишь локомотива Ланца обходилась в 6000 рублей, что составляло годовую прибыль крепкого поместья (IX, л. 3 об.).

Реорганизация хозяйства требовала колоссальных денежных вложений. В первые пореформенные десятилетия их источником могли являться выкупные платежи. Но, поскольку четверть бывших крепостных Лаишевского уезда получили дарственный надел (X, с. 401), помещики за финансовой поддержкой обращались в кредитные учреждения.

Во второй половине XIX в. действовали Херсонский банк, Общество взаимного поземельного кредита (позднее вошедшее в состав Государственного дворянского земельного банка в качестве его особого отдела) и свыше десятка акционерных поземельных банков. По данным официальной статистики, к 1885 г. в этих учреждениях была заложена половина всех дворянских имений Казанской губернии (XI, с. 4), и существовала серьезная угроза их отчуждения. В середине 80-х годов помещики стали получать соло-вексельные кредиты (под залог имений, уже состоявших под запрещением по закладным), долгосрочные ссуды в учрежденном Дворянском земельном банке. В указанный период через залог в Казанском отделении этого банка прошло 85 лаишевских поместий, то есть почти половина всех владений.

Уезд был помещичьим, это обусловило преобладание в залоге имений крупных и средних. Большинство дворян решалось на заклад господского дома с землей, так как это увеличивало стоимость оцениваемого имения и давало возможность получения большей ссуды (составлявшей 60% от произведенной оценки). 15% помещиков не закладывали усадьбную землю, опасаясь отчуждения ее вместе с жилыми и хозяйственными постройками, находящимися на ней.

Наличие всех структурных элементов (усадьбной земли, пашни, леса, сенокосов и пастбищных угодий) способствовало развитию в хозяйстве отраслевой специализации. Практически в каждом поместье имелись условия для лесоводства, при этом лесными материалами снабжались жители не только окрестных деревень, но и городов Лаишева, Казани. Реализации подлежали дрова, кора с ольхового кустарника, сучья, хворост, что являлось одной из значимых статей дохода. В частности, крупному помещику Н.А. Бобровникову выработка леса приносила до 2000 рублей, что составляло половину его ежегодной прибыли (IX, л. 25, 39).

При этом стоит отметить, что важную роль в сбыте продукции играла территориальная близость пристаней, крупных ярмарок и базаров, городов. Так, на территории самого уезда было несколько населенных пунктов, имевших важное торгово-экономическое значение. Среди них Лаишев и Рыбная слобода, куда поставлялась продукция из южных и центральных районов уезда, для помещиков северо-востока действовал рынок в селе Тюлячи. За пределами уезда располагались два других крупных торговых пункта: Казань (к западу от уезда) и Чистополь (на юго-восточной границе). Так, доставка хлеба от села Тагашево – населенного пункта, расположенного на границе Лаишевского и Казанского уездов, – обходилась хозяину всего в 2.5–3 копейки (XII, л. 5, 13), от более дальнего села Пановки – 4 копейки (XIII, л. 7 об.).

Некоторые помещики устраивали базарную площадь на территории имений. Один из таких еженедельных базаров в селе Кодрякове приносил своему владельцу Г.И. Якоби дополнительно к годовой прибыли более 200 рублей (с весов, возов, аренды участка) (XIV, л. 6). Для получения разрешения на проведение ярмарки владельцы обращались в уездную земскую управу, рассматривавшую

возможные сроки работы ярмарки, чтобы они не совпадали со временем функционирования торгов в соседних населенных пунктах. На основе предложений управы гласные уездного земского собрания принимали решение, подлежащее утверждению министром внутренних дел.

Те же поместья, которые находились в глубине уезда, ввиду слабой развитости дорожных коммуникаций, были в худших экономических условиях, а значит, изначально обречены на убыточность.

В подавляющем большинстве поместий имелись сенные угодья, но обилие камских заливных лугов сбивало цены на сено, к тому же объемы его сбора сильно зависели от погодных условий, поэтому землевладельцы ограничивались местным сбытом, сдачей покосов в аренду либо для прокорма домашнего скота. Вместе с тем высокий спрос на сено в других уездах мог приносить весьма неплохую прибыль. В 1901 г. дворянин К.А. Казем-Бек заарендовал у частных лиц луга, устроил пристань на Каме, поставил паровые прессы и стал скупать сено у соседних помещиков по цене 9.5 рублей за один пуд, что было вдвое больше прежнего (XV, л. 9 об.).

Другие отрасли сельского хозяйства также были слабо ориентированы на рынок. Несмотря на наличие в большинстве поместий лошадей и скота, правильное животноводство в них организовано не было. В основном в хозяйствах содержался скот рабочий, необходимый на полях, и домашний, дававший шерсть, мясо, молоко для личного потребления. Слабое развитие скотоводства в немалой степени было связано с необеспеченностью поместий выгонной землей, представленной лишь в половине заложенных имений и занимавшей незначительную их часть.

Зерновая система организации хозяйства требовала наличия конной рабочей силы. Но помещичья земля в Лаишевском уезде преимущественно находилась в арендном пользовании, поэтому не было необходимости в увеличении поголовья табуна. Держали несколько лошадей для полевых работ, надзора, выездных и реже племенных целей (так как покупка на стороне обходилась дешевле выращивания собственных жеребят).

Редким дворянам удавалось вести рентабельное хозяйство. Рассмотрим на конкретном примере. Владение С.М. Колодкина при деревнях Пановке и Дятловке находилось в достаточно выгодном экономическом положении – в 40 верстах от губернского города и в 12 – от уездного; 397 десятин занимала пашня, 290 – сенокосы, 123 – лес. В поместье имелись все необходимые для ведения хозяйства постройки, живой и мертвый инвентарь. Сельскохозяйственные работы велись за счет владельца главным образом наемными рабочими, а частью испольно. Местность являлась густонаселенной: ближайшее селение смежно с описываемым имением, остальные четыре находились на расстоянии от 3/4 до двух верст. Это гарантировало спрос на землю и произведенную в хозяйстве продукцию, хотя основным местом сбыта являлись столица, Лаишев, а также прикамские селения. Низкое расположение имения в домене реки Камы способствовало сохранению и накоплению влаги в почве, что обеспечивало высокую урожайность сена, являвшегося кормовой базой. Хороший дойный скот и близость к городам благоприятствовали развитию молочного хозяйства, производству сливочного масла и дальнейшей его реализации на рынке. Валовый

доход с имения составлял 6439 рублей, чистая прибыль (с учетом расходов на содержание администрации, наемных рабочих, ремонтных и мелиоративных работ) – 2518 рублей (XIII, л. 3 – 16 об.).

Однако наряду с благоприятными факторами отметим, что помещик не проживал в самом имении, доверив руководство двум приказчикам, получавшим содержание и жалованье, размер которых не зависел от прибыльности хозяйства (XIII, л. 9). Аналогично поступали и другие помещики. Например, не жили в своих имениях графиня Румерская (урожденная Донаурова), жена статского советника М.И. Метляева (в девичестве Донаурова), жена коллежского советника Н.А. Кониар (урожденная Тимирязева) (XVI, л. 5 об. – 6). Представителей этих фамилий мы не встречаем ни среди участников земского самоуправления, ни в числе служащих дворянских учреждений. Оставив поместья, они не имели интереса к местным хозяйственным делам, хотя и сохраняли земельный ценз.

Часть владельцев предпочитала избавиться от бездоходного имения и переехать в город. Так поступил поселившийся в Москве лаишевский дворянин В.В. Свешников, подавший объявление о продаже своего поместья близ деревни Змиево (Кишкильдеево) уже через шесть лет после проведения крестьянской реформы.

Показателен пример А.А. де-Траверсе. Вступив в наследственные права по достижении совершеннолетия, он стал единоличным собственником в возрасте 43 лет, выслужившись к этому времени до чина титулярного советника. Всю жизнь состоя государственным чиновником, Александр Александрович так и не приступил к хозяйственной деятельности. Впервые он заложил свое имение в 1883 г., выручив при этом 27 тысяч рублей. Уже на следующий год он прибег к повторному залогу, получив от нового кредитора вдвое большую сумму (с целью уплаты долга по первой закладной) и еще 33 тысячи рублей в качестве вознаграждения за отказ от права пожизненного владения помещьем (XVII, л. 10 об.).

Трудоемкая работа по управлению большим хозяйством требовала знаний, опыта и времени, по этой причине дворяне прибегали к помощи специально нанятых лиц, имевших порой очень широкие полномочия. Например, К.И. Кашперова с 1894 г. владела помещьем, доставшимся ей от мужа. К этому времени имение уже было обременено долгами: Государственному дворянскому земельному банку (11400 рублей, с 1891 г.), частному лицу (4350 рублей, с 1893 г.) и Лаишевскому уездному казначейству (незначительная сумма). Владелица уполномочила своего управляющего брать ссуды под залог имения по его усмотрению. В итоге в 1901 г. был взят долгосрочный кредит в размере 16000 рублей, но уже спустя девять лет сумма этого долга сократилась вдвое (XVIII, л. 92).

Помещьем другого лаишевского дворянина В.В. Обухова заведовал управляющий-мелиорат. Этим примером, пожалуй, и исчерпывается список хозяйств, в которых трудились специалисты. Возможно, дворяне опасались доверять руководство имением другим людям. Известны случаи недобросовестного распоряжения администрацией финансами поместья. Например, дворянин Н.И. Гувовт, служивший управляющим в одном из свияжских поместий, совместно со своим помощником М.И. Трацевским утаил от владелицы 2500 рублей (XIX, л. 88 об.).

Обращает на себя внимание тот факт, что достаточно часто к управлению допускался крестьянин, долгое время проживавший в данном поместье, поэтому знакомый с практической стороной ведения хозяйства; кроме того, «вышедший из народа» руководитель легко мог договориться с местными жителями об условиях труда. Поручая имение собственному работнику, помещик приобретал надежного, бессменного управляющего, что обеспечивало стабильную хозяйственную деятельность.

Недружелюбные отношения с крестьянами сложились у М.И. Гильдемана, нанятого потомственным дворянином А.Л. Панаевым в свое имение при сельце Городок. Михаил Иванович, игнорируя установившиеся до него правила предоставления общинникам выгона для выпаса скота, запретил им пользоваться барской землей. Это озлобило селян, и они, используя колья и рычаги, стали сгонять со своих полей помещичий скот, сбегавший с дороги во время прогона. Так продолжалось в течение нескольких месяцев, и только после вмешательства уездного исправника конфликтовавшим сторонам удалось примириться (XX, л. 1–8).

Но проблема заключалась не только в личных, но и в профессиональных качествах управляющего персонала помещичьих имений. Агрономы, командированные летом 1911 г. губернским земством в уезды для изучения частновладельческих хозяйств, констатировали низкий уровень подготовки администрации. В поместьях не было счетоводства, поэтому в случае нецелевого расходования средств владельцы оставались в неведении. Хозяйства развивались «не по строго определенному... плану, ведущему к получению наивысшего, возможного при местных условиях, постоянного дохода, но или “наугад”, или на риск, или же “по-старому”» (XXI, л. 1 об.). Поэтому в подавляющем большинстве поместий господствовала зерновая система и практически не наблюдалось попыток перехода к многополью, заводско-технической организации хозяйства.

Существовавшие предприятия функционировали еще в дореформенную эпоху и также нуждались в реформировании. По этой причине производства поступали в управление других лиц. Так, винокуренный завод действительного статского советника Кандалинцева перешел в собственность Лихачева. Сведения об оборотах продукции (XXII) свидетельствуют о том, что это было крупнейшее виноводочное предприятие, занимавшееся выполнением в том числе государственных заказов по очистке спирта. Привлекает внимание тот факт, что при достаточно частой сменяемости управляющих предприятием документацию удалось вести довольно систематично (XXIII).

Другая помещица Лаишевского уезда, жена подполковника Е.Н. Граве, арендовала располагавшийся в Спасском уезде Трех-Озерский винокуренный завод Молоствовых. Под ее руководством предприятие достигло одних из самых высоких оборотов вина в губернии: продукция сбывалась в разных регионах страны, в числе местных скупщиков были купцы и владельцы питейных заведений Спасского и Тетюшского уездов (XXIV, л. 2–7).

Высокая задолженность становилась препятствием в деле улучшения хозяйства, поскольку помещикам нередко приходилось брать ссуды не с целью приобретения инвентаря, а для уплаты предыдущих долгов. Это позволяло дворянам продолжать экономическую деятельность, проводить мероприятия по рационализации методов ведения хозяйства. И хотя кредиты банка были долгосрочными,

но требовалось периодически погашать задолженность частями. В противном случае часть имения подлежала отчуждению и последующей продаже с торгов. Удалось выявить лишь один случай полного погашения ссуды (XXV, л. 53).

Некоторые помещики просто не успевали сами рассчитаться по долгам: дворянин умирал, его недоимки переходили к наследникам, которые были слишком молоды и уж тем более не обладали нужными навыками по управлению помещьем либо отдавали много времени службе. Например, будущий губернский предводитель дворянства С.С. Толстой получил в наследство от отца имение при селе Мурзихе (Никольское) с достаточно крепким хозяйством: на 3814 десятинах земли находились четыре корпуса хлебных амбаров, ветряная мельница, пристань и рыбные ловли. Помимо того, помещику принадлежало 689 десятин земли в Чистопольском уезде при деревнях Кутлушнике, Шентале, Четыре Двора, Муслюмкиной и Приютовке. Хотя дворянин и проживал в своем имении в Лаишевском уезде, он, совмещая государственную службу с участием в местном самоуправлении, вынужден был постоянно находиться в разъездах. При этом исполнение должности предводителя дворянства было весьма затратным, так как, помимо дорожных, предполагались расходы на соответствие высокому статусу: многочисленные пожертвования в благотворительные учреждения, членом попечительских советов которых был С.С. Толстой, проведение домашних вечеров и т. д. Впервые дворянин получил ссуду под залог имения в 1891 г. сроком на 44 года в размере 35000 рублей, в следующий раз – в 1905 и 1917 гг. (XXVI, л. 2).

Таким образом, было выявлено несколько факторов, способствовавших развитию помещичьего хозяйства Лаишевского уезда в рассматриваемый период. Это благоприятные природно-географические (плодородная почва, равнинная местность, лес) и социально-экономические (густонаселенная местность при неразвитости фабрично-заводской промышленности, крестьянское малоземелье, наличие камской водной магистрали, пристаней, достаточно крупных торговых центров в Лаишеве, Казани) условия.

Вместе с тем до половины всех поместий Лаишевского уезда прошло через залог в Казанском отделении Дворянского банка, что свидетельствует об острой нехватке денег, которые в конечном счете помещики направляли не на развитие своего хозяйства, а на покрытие прежних долгов. В итоге Лаишевский уезд лидировал по масштабам сокращения дворянской земельной собственности. В этой связи уместно предположить, что консервативному дворянству было трудно отказаться от привычного уклада, а потому дворяне по инерции продолжали вести разорительный образ жизни. Но на примере данного уезда видно, что им удалось отстоять поместные владения, пусть и в весьма урезанном виде.

Понятны мотивы представителей высшего сословия, пытавшихся любой ценой удержать имения, служившие материальной базой их повседневной жизни, обеспечивавшие цензом для участия в местном самоуправлении, определявшие социальный статус. Все это оправдывало риск, сопряженный с обращением в банк за кредитом. Более того, существовала возможность с помощью ссуды провести реорганизацию хозяйства. Но по субъективным причинам этого сделано не было: помещики состояли на государственной службе, управление хозяйством находилось в ведении неподготовленной администрации.

Summary

E.V. Mironova. Factors for Development of Manor Farms in the Laishevsky Uyezd of the Kazan Province in the Post-Reform Period.

Using unpublished materials, we consider manor farms in the Laishevsky uyezd in the second half of the 19th and the early 20th century. By analyzing factors and patterns of development of manors of the nobility, we come to a conclusion that manors in this uyezd were in favorable geographical and socio-economic conditions. However, due to a number reasons such as loan debts, lack of agronomic knowledge among owners and stewards, land-owners' engagement in state service, the reduction of manor land ownership look place.

Keywords: manor farm, State Land Bank of the Nobility, reorganization of a farm, agricultural engineering, profitable manor.

Источники

- I – Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. – Казань: типо-литогр. В.М. Ключникова, 1896. – 636 с.
- II – Волжский вестник. – 1884. – № 6. – С. 1.
- III – *Петлин Н.С.* Выкуп у помещиков крестьянских наделов и его последствия. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1894. – 22 с.
- IV – Центральный статистический комитет М.В.Д. Статистика землевладения, 1905. – СПб.: Типо-литогр. М.Я. Минкова, 1906. – Вып. 7: Казанская губерния. – 54 с.
- V – Памятная книжка Казанской губернии на 1897 г. / Сост. Лотин. – Казань: Тип. Губернского правления, 1897. – 499 с.
- VI – Крестьянское землевладение Казанской губернии. – Казань: Лито-тип. И.Н. Харитонов, 1909. – Вып. 13: Свод по губернии. – 305 с.
- VII – НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 259. Оп. 1. Д. 424.
- VIII – НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 274.
- IX – НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 289.
- X – Материалы по истории Татарии. – Казань: Татгосиздат, 1948. – Вып. 1. – 488 с.
- XI – Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. – СПб.: Тип. МВД, 1884. – Вып. 4. – 180 с.
- XII – НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 561.
- XIII – НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 499.
- XIV – НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 258.
- XV – НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 459.
- XVI – НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 142.
- XVII – НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8836.
- XVIII – НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 432.
- XIX – НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3438.
- XX – НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8764.
- XXI – НА РТ. Ф. 81. Оп. 2. Д. 932.
- XXII – Сведения об оборотах вина за февраль 1867 г. // Справочный листок города Казани. – 1867. – № 42. – С. 166–167.
- XXIII – НА РТ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 3.
- XXIV – НА РТ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 1.

XXV – НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 280.

XXVI – НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. 135.

Поступила в редакцию
20.11.13

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории, Институт истории АН РТ им. Ш. Марджани, г. Казань, Россия.

E-mail: *Yelena.Mironova@yandex.ru*